

МАРИНА
КИСТЯЕВА

ТЫ ЕСТЬ

18+

Марина Кистяева

Ты есть

<https://litres.ru/74574458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юля давно привыкла принимать решение за себя и за свою семью. Так повелось. Рано повзрослела, она смело шла по жизни, радуясь каждому дню.

И тут новость – у мамы новый ухажер. Что ж, это даже к лучшему. Пора маме взрослеть.

И даже вроде бы неплохо, что у маминого друга есть взрослый сын, при виде которого у Юли начинают дрожать колени. А что? Романы между сводными братьями и сестрами тренд сезона.

Только они пока так и не стали сводными...

И пока они даже не пара...

Потому что одно событие готово разрушить всё. Жизнь четверых людей стремительно катится под откос.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Марина Кистяева

Ты есть

Глава

Марина Кистяева

«ТЫ ЕСТЬ»

ПРОЛОГ

Она бежала, не разбирая дороги.

Только бы скрыться, уйти...

Не важно куда.

Ноги не чувствовали пола.

На душе – пустота.

Нет, туда проник вампир или демон. Они не существуют,

и всё же, пустота в душе – тому пример.

Она бежала и бежала.

Пока не услышала его шаги.

– Стоять...

Он пытался её остановить.

Она, повинувшись минутной слабости, обернулась, и сердце остановилось.

Какой же он красивый...

Даже в злости. В гневе.

Она, захлебываясь невидимыми слезами, ускорилась.

Плакала душа...

Вот и дверь.

Отлично.

Дернула ручку – открыта.

И не веря своему счастью, нырнула за неё.

Думала, успеет, закроет.

Нет.

Догнал.

Ввалился.

Глаза бешено сверкают.

Идет на неё.

– Нет, я...

Она не успела продолжить, потому что его пальцы сомкнулись на её шее.

Час спустя...

Теперь она никуда не спешила.

Шла по ночному городу, даже не запахнув пуховик. Не было сил.

Не было ничего.

Она запрокинула голову и посмотрела на небо.

Звезды. Красиво.

И по-прежнему пусто.

Визг останавливающегося авто не произвел на неё никакого впечатления. Мало ли.

И лишь знакомый голос заставил вздрогнуть:

– Садись.

Упрямо мотнула головой.

Послышалось грязное ругательство.

– Садись, кому я сказал.

– Иди ты... – в ней всё же ещё остались силы.

– Я тебе сейчас так пойду.

Он не вышел, вылетел из-за руля и через пару секунд оказался перед ней, загораживая путь.

Больше ничего не говоря, схватил за плечи, распахнул переднюю дверь пассажирского сиденья и фактически затолкал её внутрь.

ГЛАВА 1

ЮЛЯ

В сонное сознание ворвался настойчивый писк будильника.

Я продолжала лежать с закрытыми глазами в надежде на то, что у кого-то вместе с телом проснется совесть, и этот кто-то всё-таки соизволит выключить противную мелодию звонка.

Прошла минута.

Бесполезно.

Я со стоном перевернулась на спину и попыталась закрыть уши подушкой. Но потом резко села на кровати.

Так дело не пойдёт. Одной из нас всё равно придется вставать. И как я уже поняла, этим человеком снова буду я.

В соседней комнате спала мама, и именно её пытался разбудить будильник. Я слышала приглушенное ругательство, возню, после чего мелодия играть перестала. По опыту знала, что мама встанет ещё не скоро.

Свесив ноги с кровати, я потянулась. Кажется, пора просыпаться и приступать к обычным будничным делам. Умыться не стала и, как была, босая, прошлепала на кухню. Поставила чайник. Нашла кофе. Из холодильника вытащила джем, сыр, ветчину и йогурт. Быстренько состряпала бутерброды. Налила молоко в миску для нашего прожорливого кота, который вчера сбежал на улицу и ещё не соизволил появиться.

И лишь только когда мелодия будильника на телефоне заиграла во второй раз, пошла в комнату к матери.

— Ма, подъем!

Мой голос прозвучал достаточно громко. К тому же, я старалась создать как можно больше шума, хлопая дверью, громя посудой и топая ногами. Но все мои манипуляции не возымели ни малейшего успеха. Когда я застыла в дверном проёме, моя родительница попыталась спрятаться под одея-

ло.

– Дочь, а сколько время?..

Сонный голос матери вызвал у меня улыбку.

– Половина восьмого. Пора вставать. Ты опоздаешь на работу.

Мама открыла один глаз.

– И нет никакой возможности поваляться в кровати ещё хотя бы десять минут? – почти умоляюще поинтересовалась она.

– Никакой!

– Ну, пожалуйста...

– Александра Михайловна, если ты сейчас же не поднимешь свою задницу с кровати, то опоздаешь на работу! А ты вчера говорила, что у вас сегодня важное совещание, на которое тебе необходимо попасть! Хочешь опоздать?

Мои доводы заставили мать откинуть одеяло. Выглядела она с утра не ахти – растрепанная и заспанная.

– Да встаю, встаю уже. А кофе мне хотя бы можно? – жалобно простонала она.

Я усмехнулась.

– Конечно. Кофе и горячие бутерброды на столе.

– Юлька, ты чудо!

– Я знаю.

– И что бы я без тебя делала...

– Мам, хороший вопрос.

Я ей оптимистически подмигнула.

– Ладно, просыпайся, я пошла в ванную. У меня сегодня первая клиентка в девять, так что мне тоже нельзя опаздывать.

– А как дела в университете? – крикнула она мне, когда я была уже в ванной.

– Нормально. Сессию заканчиваю неплохо.

Я включила кран с теплой водой и улыбнулась.

Вот такое странное утро в нашей семье. Но я привыкла.

В других *нормальных* семьях происходит всё с точностью наоборот. А именно: заботливая мама будит своё чадо и готовит завтрак перед школой или универом, а также следит за тем, чтобы у ребенка имелась чистая одежда, и чтобы он был соответствующе собран. Она провожает его в учебное заведение, в идеале – забирает с занятий. И все счастливы и довольны. И это нормально.

А у нас...

У нас в семье за главную я. Если это так, конечно, можно назвать. Дело в том, что мама растила меня без отца. Папа сбежал от мамы, когда мне было три года, и я его с тех пор ни разу не видела. Он у нас относился к числу нерадивых папаш. Правда, алименты платил исправно, но ни встретиться со мной, ни даже поговорить по телефону особого желания не испытывал. Я по детворе переживала, плакала по ночам, а сейчас, к своим девятнадцати годам успокоилась.

Мама оказалась не готовой к тому, что будет воспитывать ребенка одна. Нет-нет, она честно пыталась из года в год при-

вить мне полезные навыки, как могла кормила остывшей кашей, пригорелыми блинами, и не прожаренными котлетами, и воспитывала, записывая в подготовительные группы для дошкольников, на танцы, в бассейн, из которых периодически забывала меня забирать. Вследствие чего, я к десяти годам уже сама могла приготовить наваристый борщ и без проблем добиралась домой самостоятельно.

А к тринадцати научилась заполнять квитанции за свет, газ и прочие налоги.

К одиннадцатому классу я окончательно пришла к выводу, что мою маму переделывать-перевоспитывать бесполезно. Она навсегда останется рассеянной девушкой, которая искренне верила, что её окружают только хорошие, сердечные люди, всегда готовые прийти на помощь. Её наивность умиляла.

В нашей семье за наполняемость холодильника, оплату счетов, учебу и соблюдение семейных традиций отвечала я.

С недавних пор ещё и за пополнение самого бюджета.

Если я не просыпалась раньше мамы, то мы обе опаздывали.

Если я с вечера не запирала дверь квартиры, то мы могли проспать всю ночь с открытой дверью. До сих пор удивляюсь, как нас ещё не обворовали.

Если я вовремя не напоминала маме, что в машине заканчивается бензин, мы могли заглохнуть в центре города.

Если я заранее не запланировала поездку к бабушке за го-

род, то именно мне приходилось выслушивать часовые лекции о том, что Екатерину Юрьевну все забросили, сослали старуху в глухомань и забывают навещать, оставляя её без внимания и зачастую без продуктов питания. То, что продуктовый магазин находился через дорогу от бабушкиного дома – не в счет.

Одним словом, в моей жизни присутствовала тысяча обязанностей, которые начинались: «Если я не сделаю, то...»

Александра Михайловна работала психологом в крупной рекламной компании, и её ценили, как хорошего квалифицированного специалиста, способного вовремя оказать помощь и уладить практически любой конфликт. У неё был тихий, приятный голос и очень миролюбивый характер. Она относилась к редкому числу тех самых людей, которые абсолютно не умеют ругаться, но при этом как-то умудряются выживать в наш сумасшедший прогрессивный век.

Вот такой жизненный парадокс.

Я любила свою мать и давно смирилась со всеми её недостатками. Мы научились вместе сосуществовать, и наш симбиоз можно считать вполне удачным. Рано повзрослев, поняла – полная свобода действий, предоставленная мне, вполне устраивала. Родительница практически не вмешивалась в мою жизнь. Нет, это не значило, что её не интересовало, как живет её единственный ребенок. Наверное, это происходило от того, что она не совсем могла разобраться со своей жизнью. То всегда куда-то опаздывала, то что-то забывала...

Я приняла контрастный душ и потянулась.

Пора одеваться на работу.

Ещё в одиннадцатом классе я решила, что не буду поступать на очную форму обучения. Не могу. Поэтому без особых проблем поступила на заочное обучение педагога исторических наук.

Плюсом отучилась на мастера по маникюру. Снимая некоторое время зал в салоне красоты, наработала за год постоянную клиентуру. И мне нравилось, и людям.

Маму я обнаружила на кухне. Она допивала вторую кружку кофе.

– Присоединишься? – поинтересовалась она.

– Не, я за здоровый образ жизни, – открыла холодильник и налила себе минеральной воды.

Мама поморщилась.

– И это ты называешь здоровым образом жизни?

– Ага, – я утоляла жажду крупными глотками. – Минералка всё же лучше, чем кофеин.

– Может, позавтракаешь?

Я покачала головой.

– На пустой желудок лучше думается.

– Трудный день намечается?

– Как обычно.

– Юля, скоро Новый год. У тебя уже есть планы?

Я оставила пустой стакан в раковину.

– Девчонки предлагают отпраздновать вместе, но я пока

не знаю...

– Вот и я не знаю... – как-то печально сказала мама, чем сразу вызвала подозрения.

– Мам...

Вопрошающе на неё посмотрела.

Та отвела взгляд и слишком быстро ответила:

– Я ничего, просто так сказала.

– Мам...

– И нечего на меня смотреть! К тому же, я уже опаздываю. Так, я в душ!

Мама подошла, чмокнула меня в нос и упорхнула в ванную. А я продолжила смотреть ей в след. Мать от меня что-то скрывала. Не зря у меня ещё на днях закрались подозрения, что с ней что-то происходит. Сначала заметила, что она стала поздно приходить с работы, то в одиннадцать придет, а то и вовсе за полночь. Говорила, что предновогодняя суета на работе. Отчеты, завал и прочее, прочее... Интересно знать, какой такой отчет может быть у психолога, чтобы задерживать его до полуночи?

И задумчивой она стала. Я ей начинаю что-то говорить, а она никак не реагирует на мои слова, точно не слышит их.

Или витает в облаках.

Так-так... И с этим тоже стоит разобраться.

Я закидала конспекты в сумку – почитаю в перерыв между клиентками – и через десять минут была уже у двери, обувалась.

- Мам, я ушла.
- Она всё ещё была в ванной.
- Хорошо.
- Дверь за собой захлопни.
- Хорошо.
- Пока.
- Я тебе в обед позвоню.
- Договорились.

Мама позвонила раньше.

И это был плохой знак.

- Да, мам, что случилось?
- Почему сразу что-то случилось?
- Мам, – я закинула в рот фисташку.
- Юлька, ты плохо думаешь о своей матери.
- Я думаю объективно. Так что случилось? Мама, говори.
- Юлька, тут, в общем, такие дела... – Александра Михайловна замялась. – Я ехала на работу и... И машина...

Я громко застонала.

– Мама, что с машиной?! – я вскочила со стула и теперь была вся во внимания.

– Не знаю, но когда я стала трогаться на светофоре, то случайно заглохла... а когда попыталась завести машину, она не завелась... Я ключом поворачиваю, а она никаких звуков не издает.

– Мама, только прошу, не говори, что ты оставила машину на проезжей части...

– Юля, что ты... Я вызвала эвакуатор.

– И куда отогнали машину?

– На станцию техобслуживания.

Я с облегчением вздохнула.

Наша новенькая машина была предметом моей тайной страсти.

Ибо в ближайшее время я собиралась у любимой родительницы её отжать. Да-да, именно отжать самым бессовестным образом, потому что большая часть денег для её покупки была заработана именно мной.

Тогда бы от меня что требовалось – отвести маму на работу и забрать её оттуда.

Подстроюсь.

То, что наш «Ниссан» находился на СТО, а не продолжал брошено стоять на проезжей части или на обочине под снегом, что меня немного успокоило. Немного, поскольку я слишком хорошо знала Александру Михайловну.

На этом разговор не закончился.

Как в воду глядела, потому что мама продолжила:

– Я, собственно говоря, почему звоню... Юля, мне тут с СТО позвонили и сказали, что машину можно забирать... Они её сделали.

– И?.. – мне надо было, чтобы мама сама высказала свою просьбу.

Послышался громкий вздох.

– И ты могла бы забрать машину со станции?

Я сделала рукой жест, означающий «есть»! И едва не запрыгала от радости. Но когда стала отвечать матери, то постаралась, чтобы в моём голосе звучало возмущение:

– Мама, мне ещё не вручили права...

На этот раз не удалось обвести вокруг пальца Александру Михайловну. Та фыркнула.

– Ты отлично водишь с четырнадцати лет. И, я думаю, вполне в состоянии пригнать машину домой.

– Не к офису?

– К офису не надо, я приеду домой на такси. Всё, ребенок, целую тебя. Будь умницей. До вечера, – и мама повесила трубку.

Я посмотрела на тускнеющий экран и пропадающее фото матери и довольно усмехнулась.

Закончила работу через час. Записав клиентку на коррекцию через три недели, оказалась полностью свободной.

Так, теперь можно и за машинкой.

Я вышла из салона и, подняв воротник куртки, поёжилась и пожалела, что отстегнула капюшон, он бы сейчас не помешал. Погода оставляла желать лучшего.

С нашим «Ниссаном» у меня были особые отношения. Вернее, у меня были вообще особые отношения с любым авто. Я обожала машины. Искренне их любила и не могла дождаться, когда мне, наконец, выдадут права, и я без зазрения

совести смогу сесть за руль, потому что и так затянула с их получением.

Мой интерес к вождению проснулся лет в двенадцать. До четырнадцати я честно терпела, а потом пристала к знакомому молодому человеку, Пашке, чтобы он научил меня водить. Тот сначала сопротивлялся, но я подключила всё своё природное обаяние и умение уговаривать, и в конечном итоге, он сдался. Обучение давалось легко, по крайней мере, мне так казалось. Я быстро запомнила, где находится сцепление, газ и тормоз. А остальное было делом техники.

Пашка промучился со мной всё лето. До сих пор удивляюсь, как я не разбила его машину, а у него не появились седые волосы. Результатом наших страданий стало то, что я научилась трогаться с первого раза, не вылетать на встречную полосу и не бояться других машин, а Пашка устроился работать в автошколу инструктором по вождению.

У мамы был шок, когда она узнала, что я умею водить. Мы находились в гостях у бабушки, которая нас пригласила на «девчачьи» посиделки. Бабушка наготовила множество вкусностей, и мы с Александрой Михайловной уплетали пирожки и другие домашние заготовки за обе щеки. Засиделись допоздна, а когда собрались ехать домой, увидели, что темнело.

Я еще за столом заметила, что мама выглядит не ахти, бледноватая какая-то. На мой вопрос, всё ли в порядке, получила утвердительный ответ.

В порядке, так в порядке, я и успокоилась.

Но как только мы отъехали от бабушки, лицо матери искалось, и она, выпустив руль, схватилась за живот.

– Ай! – резкая боль заставила скрутиться Александру Михайловну.

У меня сработал рефлекс – схватив руль, не позволила нам съехать в кювет.

– Мама! Что случилось?

– Живот! Кажется, я отравилась... – она громко застонала, и её лицо приобрело зеленоватый оттенок.

– Тормози! – закричала я, понимая, что мама не в состоянии следить за дорогой.

У Александры Михайловны сработал инстинкт самосохранения, и она резко нажала на тормоз. Машина дернулась и встала.

Я пулей выскочила из машины и подбежала к водительскому сиденью.

– Мам, ты как? – я испугалась не на шутку.

Та закрыла глаза и откинулась на сиденье.

– Не знаю...

– Может, скорую?

– Не надо, сейчас пройдет.

Решение пришло мгновенно.

– Мама, а если не пройдет? Давай-ка я помогу тебе переместиться на пассажирское сиденье.

Александра Михайловна открыла один глаз и подозри-

тельно посмотрела на меня.

– А кто поведет машину?

– Я.

– Ты? Юлька, только не говори, что ты втихую угоняешь машину и рулишь по городу без прав.

Хмыкнула.

– Я и не говорю. Это ты сделала такие выводы.

Разводить дискуссию мы не стали. Я помогла маме перебраться на соседнее сиденье, а сама почти уверенно села за руль. Руки у меня подрагивали.

– Юля... – слабый голос матери не выступал в качестве поддержки. – Ты уверена в том, что делаешь?

– Нет. Но я справлюсь.

Впервые села за руль без Пашки. Это был кошмар. Катастрофа. Я растерялась, но приказала себе сосредоточиться. Плавнo отпустила сцепление и нажала на газ... Наша на тот момент «Лада Приора» дернулась, но с места тронулась.

Мы поехали.

И благополучно доехали до дома.

В тот день мама отравилась. Я всю ночь и следующий день помогала ей справиться с болезнью.

Под вечер она, наконец, окончательно придя в себя, заинтересовалась:

– Ребенок, и давно ты умеешь водить?

Ребенок кивнула, ожидая этого вопроса, и героически произнесла:

– Давно.

Я вся съежилась-скукожилась, ожидая допроса с пристрастием, но его не последовало. Мама хмыкнула, поморщилась от головной боли и брякнула:

– Крутая дочь у меня растет!

На том мы и порешили.

Конечно, в дальнейшем мама старалась избегать подобных ситуаций и за руль меня сажала в крайних случаях.

Сегодня был один из таких.

А я и рада стараться.

До СТО я добиралась дольше, чем планировала. Мой автобус пришёл с опозданием, и когда я приехала на станцию, то прилично замерзла. Очень хотелось горячего чая. У меня возникла мысль заглянуть в ближайшую кафешку и попить его, но желание поскорее забрать машину пересилило.

Я зашла в бокс и громко крикнула:

– Здравствуйте!

Мне никто не вышел навстречу. Увидела наш «Ниссан», и сразу же захотелось поскорее очутиться в его комфортном салоне, включить печку и согреться. Поёжилась от холода, хотя в помещении было довольно-таки тепло.

– Аууу! Тут кто-нибудь есть? – снова крикнула я.

– Есть.

Неприветливый голос шёл откуда-то снизу. Я не сразу поняла, что он доносится из смотровой ямы, пока не увидела, как из неё, подтянувшись на руках, с легкостью выпрыгива-

ет молодой человек. Высокий, с взлохмаченными волосами и перемазанным лицом.

У меня отчего-то ёкнуло сердце, а потом самым бессовестным образом скатилось к желудку. И мозг, видимо, от переохладения тоже дал сбой, потому что в памяти всплыли этикие неприличные кадры из фильмов для взрослых.

Механик. Невероятно сексуальный. Рост, минимум, метр девяносто. Накаченный.

Ох.

Первым делом он отер руки о тряпку и лишь потом соизволил посмотреть на меня.

– Тебе чего надо? – его тон не отличался дружелюбием и не предвещал ничего хорошего.

Механику на вид было не больше двадцать пяти. Эдакий типаж красавщика-злодея, покорителя женских сердец. Такие, как он, с легкостью кружат головы девчонкам и без зазрения совести их бросают.

От растерянности прочистила горло и неуверенно сказала:

– Я за машиной.

Механик нахмурился.

– А ты не перепутала детский магазин со станцией?

Так он ещё и язвит. Замечательно. Прелестно.

– Нет, не перепутала, я адрес хорошо запомнила.

Он скрестил руки на груди, отчего его мускулатура заиграла под легкой тенниской с длинными рукавами. Даже

через них можно было заметить, что он обладает нехилой спортивной формой. И я ничего лучше не могла придумать, как уставиться на всё это безобразие. Он тотчас заметил мой взгляд и усмехнулся.

– А, по-моему, ты ошиблась всё-таки дверью.

– Я за «Ниссаном», – почувствовала себя последней душой. Захотелось поскорее убраться отсюда. – Вот за этим.

И махнула рукой в сторону нашей машины.

Теперь парню стало не до шуток, и он ещё пристальнее посмотрел на меня.

– Ты, наверное, шутишь, детка. Тебе сколько лет? Ты давно перестала ходить под стол пешком?

Я грубить не умела и не любила. Я за мир во всем мире. Но тут на меня что-то нашло.

– Во-первых, я тебе не детка, – жестко, сквозь зубы проговорила я. – А во-вторых, тебя совершенно не касается, сколько мне лет! Я приехала за машиной, и ты мне обязан её отдать!

– Вот чего я как раз не обязан делать, так вот этого. По тебе сразу видно, что ты малолетка. Тебе до восемнадцати ещё расти и расти! Так что давай... Разворачивайся на сто восемьдесят градусов и чеши по другому адресу!

– Меня мама просила забрать машину, – начала и сама себя оборвала, понимая, как по-детски звучат мои слова.

Господи... Да что со мной.

– Ваши проблемы, – не сказал, рыкнул бугай. – Я сказал,

что малолетке не отдам машину, значит, не отдам. Чтобы потом нажить лишние проблемы...

– Никаких проблем не будет, – сделала я ещё одну попытку.

Нет, чтобы признаться...

– Нет, я сказал. Всё. Вали отсюда.

Я уперлась. Понимала – скажи, что мне девятнадцать, и все проблемы отступят. Паспорт, в конце концов, можно достать. Он у меня всегда с собой.

Но нет же...

Видимо, на этом он решил, что со мной больше не стоит иметь дело. Потому что отправился в подсобное помещение и загремел железками. А я как стояла посреди бокса, так и продолжила стоять, переминаясь с ноги на ногу. К тому же, окончательно замерзла, и у меня уже предательски стучали зубы.

Поэтому я не придумала ничего умнее, как достать непослушными холодными пальцами смартфон и позвонить матери.

Та трубку взяла не сразу.

– Юля, у меня много работы, – недовольно проворчала она, даже не поинтересовавшись, по какой причине я звоню.

– Мам, мне не отдают машину, – сразу к делу перешла я.

– Как не отдают? – этот факт вызвал у неё удивление.

Я закатила глаза. Иногда простота матери меня начинала раздражать. Она точно забыла, что в семье старшая она.

– Очень просто. Я приехала на станцию, а механик уперся. Говорит, что не отдаст ключи малолетке! – последнее слово я нарочно произнесла очень громко, чтобы грубиян услышал меня.

Вся загвоздка заключалась в том, что когда я не красилась – а сегодня как раз выпал такой день – мне никто и семнадцати-то не давал. Пятнадцать максимум. А под дутой, удлиненной курткой грудь и округлившиеся бедра весьма трудно было разглядеть.

Или кто-то не хотел их замечать...

Обидно, однако.

Между прочим, грудь у меня была полноценного второго размера, и фигура красивая. Песочные часы в действии. Так говорил Илюха, мой самый лучший друг.

С которым на днях, кстати, возникли кое-какие проблемы.

Черт, и почему раньше я не замечала его слов... Вернее, интонации, с которой он их говорил.

Ладно, сейчас не о том.

– Так-так... – Александра Михайловна задумалась. – Стой, где стоишь, я через минуту перезвоню.

Как будто я куда-то собиралась уходить. От одной мысли, что снова окажусь на улице, без транспорта, и придется домой добираться на автобусе, мне становилось дурно. Да и в карманах была одна мелочевка.

Я понятие не имела, что могла придумать в данной си-

туации мама. Оставалось лишь надеяться, что она каким-то волшебным образом разрешит проблему.

Я не хотела.

Принципиально.

На горизонте снова показался механик-грубиян.

– Ты всё ещё здесь?

Я лучезарно улыбнулась.

– А где же мне ещё быть?

– Где угодно, но только не здесь!

Я переминалась с ноги на ногу. Ну, в конце-то концов, не выгонит же он меня силой. Хотя... С такого станет. У меня снова зазвонил телефон, и я ещё никогда не была так рада звонку матери.

– Ты все ещё находишься на станции? – спросила она меня.

– Где ты мне сказала оставаться, там я и нахожусь.

– А как зовут молодого человека, который не отдает тебе машину?

Я почувствовала, как вся кровь, которая ещё была способна циркулировать в моем замерзающем теле, прильнула к лицу.

– Мама, я откуда знаю.

– Так спроси.

Ей легко сказать, а что делать мне?

Исподлобья посмотрела на него. Что угодно, но только не это... Но перспектива оказаться без машины на холоде пре-

лыщала ещё меньше.

– Хорошо, – сквозь зубы проворчала я и, отодвинув телефон от уха, как можно более безразличнее, спросила: – Извини, но тут интересуются: как тебя зовут?

– По какой надобности?

Я пожала плечами.

– Говорят, надо.

– Допустим, Максим, – ответил он, прищулив глаза.

В знак благодарности я кивнула и снова вернулась к разговору с матерью.

– Мам, его зовут...

– Я слышала. Юля, дай ему, пожалуйста, телефон.

Вот это мне уже нравилось больше. Пусть в кои веки мама сама поспособствует решению проблемы. А я постою в сторонке и погляжу в потолок.

Протянула телефон Максиму, тот недовольно взял его, видимо, предчувствуя, что его сейчас начнут уговаривать отдать ключи и, собственно, саму машину малолетке.

– Да, – буркнул механик, подозрительно поглядывая на меня. – Слушаю вас.

Некоторое время он молчал, потом нахмурился и сказал:

– Это ваше дело. За последствия я не ручаюсь. Если вы это допускаете, то, пожалуйста. До свидания.

Видимо, он не отличался особой разговорчивостью, потому что, не дослушав, протянул мне телефон.

– Сейчас отдам ключи.

– Юля! – тем временем продолжала в трубку кричать мама: – Ты меня слушаешь или нет?

– Да слушаю я, слушаю, – настроение испортилось окончательно.

– Всё, сейчас Максим тебе отдаст ключи.

– Это я уже поняла.

– Всё хорошо, ребенок?

– Лучше быть не может.

– До дома доберешься, позвони мне.

– Хорошо.

Тем временем грубиян подошёл ко мне и кинул ключи. Я изловчилась и поймала их. Мне уже не терпелось уехать со станции.

– Тебе хотя бы известно, как ключ поворачивать? – он не мог не съязвить напоследок.

Я шумно выдохнула воздух и досчитала до десяти.

– Если не справлюсь, обязательно обращусь к тебе.

– Скорее всего, так и будет...

И этот грубиян, нет, чтобы как-то поспособствовать, нажал на кнопку, автоматические ворота поднялись и, скрестив руки на груди, вызывающе начал наблюдать за моими действиями.

А я, как нарочно, разволновалась. Всё-таки неприятно, когда за тобой вызывающе наблюдают и ждут, когда ты оплошаешь.

Только бы получилось, и мне удалось бы нормально вы-

ехать со станции. И ничего не задеть! Ни во что не врезаться! Я кинула рюкзак на соседнее сиденье и дрожащими руками вставила ключ в замок зажигания. Перевела дыхание. И начала осторожно трогаться.

МАКСИМ

Малолетка.

Малость охреневшая и чертовски сексуальная.

Первое, что увидел Макс, выныривая из ямы, длиннющие стройные ноги. Обалденные. И он сразу же представил, как закинет их к себе на плечи. Аккурат будет. Когда её разложит. Может, прямо в подсобке станции.

Бедра, если чуть присмотреться и мысленно убрать дурацкий пуховик, тоже обрисовывались аккуратно в его вкусе.

Макс уже приготовился включать своё обаяние, когда его взгляд уперся в лицо девочки.

Мать вашу! Именно девочки!

На него смотрели самые шикарные глаза в мире.

Невинность в априори.

Кадык нервно дернулся в горле парня. Что за хрень... Кто это малолетка?

Волосы интереснейшего цвета – темная пшеница, немного тонированная шоколадом. Последняя подруга Макса бы-

ла помешана на смене образа и постоянно что-то с собой делала, трындыча ему о новомодных тенденциях.

Незнакомке идеально подходил оттенок, более того, придавал ей загадочности, изюминки. Если бы не одно большое гигантское «но».

Её возраст.

Лицо без малейших признаков косметики, даже тоналки нет. Свежее, чистое, разругавшееся от мороза. И такое, черт возьми, молодое. Лет шестнадцать, не больше.

Макс сразу же себя почувствовал педофилом, который возбудился на несовершеннолетнего ребенка.

А он возбудился! И этак не хило. Член уперся в боксерки. Благо спецовка была с широкими штанами, свободная, и его бугор был не заметен.

Но сразил наповал её голос. Как перезвон колокольчиков.

Н-да, Макс, что-то с тобой сегодня неправильное происходит. Перезвоны там всякие слышатся. Не пора ли тебе навестить одну из давних и на всё готовых подруг?

И Остапа понесло. Он не мог остановиться. Всегда соблюдал субординацию, основная работа научила.

А тут, как с цепи сорвался. Умом понимал, что навряд ли ребенка пришлют за машиной, и всё равно не мог удержаться. А как она засмушалась! Как загорелись гневом её глаза, когда она повелась на его грубость и нелепые заявы.

Макс же сознательно хамил, а сам думал: если распахнуть её пуховик, то он увидит вполне сформировавшуюся грудь?

И тотчас себя одергивал.

Маленькая зараза могла предъявить документы. Сейчас никто не ходит без паспорта.

Могла тыкнуть ему в морду и водительское удостоверение. Мол, хамло, ну-ка, закройся и гони машину. Так нет же, упертая попалась.

Нашла коса на камень.

Макс для себя решил: ни хрена она не получит «Ниссан». Не отдаст и всё.

Звонок от хозяйки немного утихомирил его пыл.

Что ж...

Первый раунд объявлен – ничья.

Он наблюдал, как она выезжает из бокса, сам же – запоминал номер. Парни из ментовки пробуют владелицу без проблем.

Максим мысленно улыбнулся.

До встречи, малолетка. Скоро он узнает, какое богатство прячется у тебя под пуховиком – «двоячка» или всё же ближе к «тройке».

ГЛАВА 2

ЮЛЯ

– Юлька, а что у нас на ужин сегодня будет?

– Ты бы, мама, поточнее сформулировала вопрос. И уж

прямо спросила, что я буду готовить...

Легкий румянец коснулся щёк Александры Михайловны, и она как-то замялась в дверном проеме.

– Юль... Я могу приготовить...

Не дала ей договорить и легонько подтолкнула в спину.

– Иди ты уж что ли. Не загораживай дорогу. У меня по плану сегодня овощное рагу. Но с фаршем.

– Тогда это уже будет не овощное...

– А мы ассорти соорудим! Чем чуднее, тем вкуснее. Поможешь?

– Конечно, только переоденусь.

Пока я сушила волосы и приводила себя в более-менее божеский вид, мама переоделась, и мы отправились на кухню. Мы часто готовили вместе. Это было время, когда мы полностью принадлежали друг другу, и могли болтать, как закадычные подружки. Мы доверяли друг другу. Потому сегодня утром я и сделала выводы, что с мамой что-то странное происходит.

Неужели... влюбилась?

Едва не застонала вслух.

Нет, только не это!!!

Я искренне любила маму и желала ей счастья, тем более в личной жизни. Очень хотела, чтобы она повстречала сильного, самостоятельного, самодостаточного мужчину, который сделал бы её счастливой. Который полюбил бы её слабые стороны, смирился с её недостатками и... И который, лучше

так, не замечал бы её недостатки вовсе. И который, конечно, понравился бы мне. То бишь прошёл мой тест-драйф.

Мама не раз и не два влюблялась. И непременно знакомила меня со своими ухажерами. А что? Пусть сразу знают, что у нашей милой Александры Михайловны есть вполне самостоятельный, назойливый ребенок, который не позволит обидеть маму, а уж тем более пользоваться её добротой. Я с легкостью определяла – серьезные у мужчины намерения или он так, завел интрижку с мамой ради развлечения... Таких мне легко удавалось вывести на чистую воду. Мама, конечно, расстраивалась, но быстро успокаивалась, её печаль проходила быстро.

Была в её жизни и парочка достойных мужчин. Мне даже один очень сильно понравился. Я его, чего греха таить, даже отлично представляла в роли отчима. Павел Анатольевич, профессор, лингвист, умнейший человек. Хотя нет, вру, не таким уж и умным он оказался, если через год бросил мою маму ради крашеной фурсетки, одной студентки. Пусть теперь ей дарит цветы и разглагольствует о всемирной литературе. Только меня берут смутные сомнения, что ей это интересно.

И помимо моего дочернего желания видеть маму счастливой, я в конце концов хотела, чтобы в нашем доме появился мужчина! А что? Хорошее желание. Даже более того. Мне надоело воевать с жилсервисом, искать толкового слесаря, сантехника и самой вбивать гвозди!

Я не против влюбленности мамы... Но что-то не хотелось об этом узнавать сегодня.

Мы с ней хлопотали на кухне и разговаривали о пустяках.

– Так что ты решила по поводу Нового года?

Моя рука с ножом замерла над кабачком.

– Мам... ты уже второй раз за сегодня меня об этом спрашиваешь.

– Да? Не помню... Закружилась...

– Для тебя очень важно, где я буду встречать новогоднюю ночь? – я посмотрела на маму с нарастающим интересом. Та выглядела смущенной, стала суетиться, перекладывать овощи с места на место, зачем-то попыталась вернуть фарш в холодильник, но вовремя спохватилась.

– Как тебе сказать...

– Да уж говори, как есть!

– Тут такое дело... – внезапно мама брякнулась на стул и выдохнула на одном дыхании: – Юлька, я пропала...

– Так...

Я отложила в сторону все кухонные приборы и скрестила руки на груди.

– И что всё это может значить? – спросила я, уже предвидя ответ.

– Что значит... что значит... – мама, как нашкодившая школьница, положила руки на колени. Я выразительно подняла бровь кверху. – Это значит, что я познакомилась с потрясающим мужчиной...

Наигранно громко застонала.

– Мама, опять?

– Нет, ребенок, ты не понимаешь, тут всё иначе...

– Мама, я это слышу каждый раз!

– Может, мне тогда не рассказывать ничего?

– Что ты! Я вся обратилась вслух!

– Тогда не пререкайся!

– Уже перестала...

– Так вот, мы познакомились, и я... я не знаю, что теперь делать. Он предлагает встретить Новый год у него в загородном доме, но я в растерянности и пока думаю, что ответить.

Я тоже призадумалась. Конечно, хотелось, чтобы моя мама встретила ТОГО, Единственного, но ещё больше не хотелось слышать, как она плачет по ночам. В нашей небольшой квартире что-то скрыть друг от друга было проблематично.

Решение пришло само собой.

– Я еду с тобой. Надеюсь, твой новый ухажер будет не против?

– Юля, ты это серьезно? – стоило видеть глаза матери – они вспыхнули от радости, точно она только и ждала моих слов.

– Конечно, разве по мне видно, что я шучу?

– И ты правда готова пожертвовать новогодней ночью ради меня? – мама по-прежнему сомневалась в моем решении.

– Готова, готова, – с обреченным энтузиазмом продолжила я. – Только ты мне скажи, твой новый знакомый хоть сто-

ящий?

Мама просто кивнула головой.

С мамой разобрались, замечательно.

Теперь Илья.

Небольшая предыстория. Илья мой лучший друг. Во веки вечные. А три дня назад он отчебучил. Признался, что любит меня. Не как друга. Я сглупила и рассмеялась. Он обиделся и перестал выходить на связь. Более того, объявил, что болеет. И болезнь, видимо, распространялась только в отношении меня.

Я прекрасно понимала, что не хочет он разговаривать только со мной. Объявил мне бойкот. Сначала даже собралась обидеться в ответку, но потом вспомнила народную мудрость, что на обиженных воду возят, и решила схитрить – позвонить с маминого смартфона. Но моя хитрость была шита белыми нитками. Илья не взял трубку.

Наконец, от него пришло смс-сообщение: «Не занимай линию».

Ах, вот как...

Но меня так просто было не одолеть. Через общих друзей-футболистов, я узнала, что у Ильи грипп. А больному простудой необходимо лечение. Раздобыв у бабушки малиновое варенье, отправилась в гости к Астахову. Благо уже не раз у него гостила.

Но, как говорится, незванный гость хуже татарина. Это как раз мой вариант.

С самыми благими намерениями подошла к дому Астахова и нажала на кнопку домофона.

Через полминуты послышалось сонное:

– Кто?

Это, несомненно, был Илюха. И мне не понравился его голос. Наверное, он на самом деле серьезно заболел.

– Илья, привет! Пустишь? – весело начала я.

Но мой энтузиазм не нашёл поддержки.

– Медведева...

– Она самая!

– Что ты тут делаешь?

– Лечить тебя пришла! Илья, открывай дверь, не будем же мы разговаривать на улице. К тому же, на дворе не май месяц. Я замерзла.

Ожидала услышать характерный писк домофона, но моим надеждам не суждено было сбыться.

Астахов молчал не меньше минуты, а потом послышалось:

– Ээээ... ты зря пришла. У меня карантин. Пока.

И всё.

Я стояла на крыльце перед подъездом и ошарашено смотрела на кнопки домофона. Нет, вы только посмотрите на него! Что он творит! Я ему принесла варенье, переступила через девчачью гордость, а у него карантин!

Интересно, карантин у него только для меня?

Уже подняла руку и в праведном гневе собралась ещё сделать вызов по домофону, когда на меня неожиданно накати-

ла запоздалая обида. Нижняя губа затряслась, а на глаза выступили слёзы.

Ну, и черт с ним! С этим Астаховым! Пусть и дальше болеет!

Пусть и дальше избегает меня.

Пусть и дальше сходит с ума от собственной дурости.

Я больше кланяться и унижаться не буду. В конце концов, как-нибудь проживу без него. Подумаешь, друг... Тоже мне нашёлся! Так с друзьями не поступают!

В друзей, в конце концов, не влюбляются...

Я шмыгнула носом, прижала к себе пакет, где хранилась злосчастное варенье и побрела в сторону дома. Чувствовала себя глубоко несчастной и потерянной.

Я к человеку со всей душой, а он ко мне... известной пятой точкой.

Можно было бы хотя бы пустить погреться. Что вообще с ним происходит? Он теперь до конца жизни будет меня избегать?

Ну, и пожалуйста. Бегать за ним я больше не собираюсь.

Время было около семи, на улице давно стемнело, и я шла по инерции, бездумно переставляя ноги, ничего не замечая вокруг. Брела, погруженная в невеселые мысли. И сама не заметила, как, свернув за поворот, провалилась в сугроб.

Причем, очень неудачно.

Откуда взялась эта громадная куча снега – понятия не имею. Но мало того, что одна моя нога почти по бедро ушла

в сугроб, так я не удержалась и свалилась. Свалилась ещё более неудачно, лицом в снег.

Задохнулась и принялась энергично отплевываться. Мне удалось кое-как подняться и принять вертикальное положение тела.

В этот самый момент мимо меня на приличной скорости пронеслась красная «Мазда» в кузове кроссовера. Но проехав пару метров, она с визгом затормозила и принялась сдавать назад.

Я прикрыла глаза. Ну вот, теперь кто-то будет свидетелем моего позора. Очень хотелось верить, что этот кто-то окажется одним из моих знакомых, просто я буду не в курсе, что он купил новую машину. И меня, мокрую и обиженную отвезут домой.

Машина остановилась рядом со мной, приоткрылась дверь и послышалось:

– С вами всё в порядке? Помощь нужна?

До ближайшего фонаря было далековато, и я не смогла сначала рассмотреть лица говорившего, но голос мне показался определенно знакомым. Нахмурилась. И снова громко шмыгнула носом. Я была на грани того, чтобы расплакаться.

– Я упала... – жалобно пискнула, продолжая сидеть в сугробе. Создавалось впечатление, что самостоятельно из сугроба я не выберусь.

Мой незвано-нежданный спаситель, видимо, пришёл к такому же выводу, потому что, не заглушая двигателя, вышел

из «Мазды».

И вот тут-то...

– Ты?!

– Ты...

Мы оба выдохнули это слово одновременно.

Кого-кого, а этого человека я меньше всего ожидала увидеть.

Передо мной стоял автомеханик злополучной станции техобслуживания.

Он тоже меня узнал, и его улыбка медленно сползла с лица.

– Малолетка, ты что вывалилась из машины? – и конечно, он не мог не съязвить. – Или нет... Тебя оттуда вышвырнули.

От досады заскрежетала зубами. Только его не хватало для полного счастья!

Я ничего не сказала. Куда ехал, пусть и едет. Возникал вопрос: каким образом простой механик может заработать на недешевую «Мазду», тем более, кроссовер? Взял со станции погонять? Решил за чужой счет произвести на знакомых впечатление?

Упрямства мне было не занимать, и я снова попыталась подняться на ноги, и снова моя попытка не увенчалась успехом. Да что ж это такое!

– Давай помогу.

Мне показалось или в голосе грубияна проскользнули сочувственные нотки? Он протянул руку.

Гордость сегодня напрочь отказывалась меня посещать. Надлежало ему что-нибудь эдакое едкое сказать в ответ и отправить по известному адресу, но я как представила, что продолжу сидеть в глубоком сугробе, мерзнуть, жалеть себя, а потом ещё и топать домой... Мысленно вздохнула – с гордостью мы как-нибудь в другой раз сведем счеты.

Протянув руку в ответ, вмиг оказалась на ногах. Ого, а парень-то не хилый. Только ухмыляется противно.

– Спасибо, – выдавила я из себя, отряхиваясь от снега.

– Да не за что.

Он с любопытством продолжил на меня смотреть, точно я была не обычной девушкой, а как минимум восьмым чудом света.

– Ты кое-что обронила, – и он кивнул в сторону теперь уже одиноко валявшегося пакета.

– Подниму, тут не оставлю.

– Можно узнать, что там?

– Зачем?

– Интересно смотрится. По контуру банка.

А он проницательный.

– В яблочко.

– И с чем?

– С вареньем.

– С чем-чем?

– Да с вареньем, говорю же, что тут удивительного?

Я в первый раз увидела, как лицо грубияна – Макси-

мом его кажется звали – смягчается, а губы расплываются в неподдельную улыбку.

– И что ты собиралась делать с этим вареньем-то?

Сама не знаю почему, но ответила я ему чистую правду:

– У меня друг заболел... А мы перед этим поругались...

Вот я и пришла мириться под предлогом, что принесла ему варенья... А он взял и на порог меня не пустил...

Всё это выпалила на одном дыхании и сразу же пожалела. Не стоило мне откровенничать!

И я оказалась права.

– Видимо, сильно ты ему насолила, малолетка, раз парень не захотел с тобой общаться. Не дала?

Я сначала даже не поняла, о чем он меня спросил.

А когда поняла...

– Да иди ты куда ехал, придурок! – вспыхнула и принялась стряхивать с себя снег.

– Эй, ты чего так взъерилась?

Ему было смешно.

– Ничего!

Моя вспышка гнева не произвела на Максима никакого впечатления, он продолжил стоять с дольной физиономией, на которую у меня не было сил и желания смотреть. Я резко нагнулась, подхватила пакет со злополучным вареньем и, чертыхаясь, попыталась, как можно быстрее и самостоятельно выбраться на тротуар. Нечего разводить дебаты с грубияном, который только и делает, что насмехается надо мной.

Я вскинула голову кверху, и, как надеялась, с гордым видом зашагала по обочине дороги.

– Подожди! Ты куда собралась?

Мои последние манипуляции не остались без должного внимания и всё-таки произвели впечатление на механика. Он попытался меня догнать, и когда ему это удалось, схватил за локоть.

– Подожди!

– Если не отпустишь – закричу, – грозно сказала я, решительно настроенная привести угрозу в действие.

– Давай, садись в машину, я тебя подброшу до дома, – предложил Максим, с неохотой отпуская мою руку.

– Ага, уже! Нет уж, спасибо, я как-нибудь пешком доковыляю...

Уж лучше бы я молчала.

С раннего детства знала прописную истину, что язык – враг мой. Но почему-то об этом вспоминала очень редко. А точнее вспоминала, когда навлекала на себя беду.

Вот и сейчас накаркала.

Когда оказалась на свободе, и меня больше ничего не удерживало, резко развернулась на каблуках и совсем забыла, что под недавно выпавшим снегом мог затаиться коварный гололед. Так и оказалось.

Не успела ничего понять, как щиколотку сковала резкая боль, сразу за ней я почувствовала всю силу земного притяжения в действии.

– Ох...

На этот раз свалиться мне не позволил вовремя подоспевший Максим. Его реакция была молниеносной. Он каким-то образом умудрился подхватить меня со спины и прижать к себе.

Но ноге вред причинен уже был...

Я громко, не без театральности, запричитала:

– Ай-я-яй!

– Что?

– Нога-нога-нога!

Я дурачилась, и мне не было за это стыдно.

– Что – нога?

– Болиииит!

– Ты ногу что ли подвернула?

До него, наконец-то, дошло!

– Да, – пропищала я, кривясь от боли и сильнее цепляясь за руку Максима.

– Вот ты... – он не стал заканчивать мысль, решив не добивать меня морально. – Значит так, детка, ну-ка, покрепче держи банку с вареньем и особо не рыпайся.

– Что ты... – я хотела сказать «задумал», но не успела. Потому что этот верзила с легкостью подхватил меня на руки и понёс к машине.

От удивления у меня перехватило дыхание. Боль в щиколотке на мгновение забылась. Меня впервые в жизни молодой человек поднял на руки, да ещё с такой легкостью, как

будто он только этим и занимался, что выручал попавших в беду девиц. Я от него ничего подобного не ожидала, если вспомнить, как грубо он со мной разговаривал на станции.

А тут – прямо рыцарь в потускневших доспехах.

Он донёс меня до машины и усадил на заднее сиденье. Попробовала пошевелить ногой, но идея оказалась плохой. Боль снова пронзила всё тело. Вот невезение-то.

Максим, заняв водительское сиденье, посмотрел на меня в зеркало:

– Ты как?

– Жить буду, – буркнула я.

– Может, тебя в медпункт?

– Нет, лучше до дома.

– Говори адрес.

Я послушно назвала улицу, где жила. Как ни крути, а он меня все-таки подвезет. Хорошо, если никто не увидит. Меня не особо прельщала перспектива стать ещё и причиной разговоров во дворе.

Знала, что многие из моих знакомых девчонок, наоборот, приложили бы массу усилий, чтобы их как можно больше народа увидело. А как же – их до дома подвозит красавчик на дорогой машине! Это же сразу повышало их рейтинг среди знакомых.

Я придерживалась другого мнения. Меня, конечно, интересовали молодые люди, нравилось их внимание, но сознательно создавать вокруг себя ажиотаж я не стремилась.

– Кстати, тебя как зовут? – мои размышления прервал голос Максима. Он снова стал слегка ироничным. – Или тебе больше нравится «малолетка»?

Н-да, у этого товарища талант портить о себе мнение. Я уже готова была прийти к выводу, что он не такой уж самовлюбленный и самодовольный, и тут, пожалуйста.

– Юля.

– Моё имя помнишь?

– Забудешь тебя...

Он засмеялся.

– А ты язва.

– С кем поведешься...

Пришлось прикусить язычок. Надо прекращать грубить. В конце концов, сейчас я находилась в теплом салоне и не ковыляла по холоду. Несколько минут можно потерпеть колкости красавчика. Проще не обращать внимания на него.

Хотя это проблематично...

– Как машина?

– Бегает.

– И быстро бегают?

– Как всегда.

– Нет, ты точно, язва. Я пытаюсь отвлечь тебя разговорами от вывиха, а ты хамишь. Это обычный твой стиль общения?

Если бы на улице было светло, то он мог бы заметить, как мои глаза округлились от возмущения. Я считала себя воспитанной молодой девушкой. Между прочим, читала клас-

сику и почти ежедневно смотрела новости, а также интересовалась политикой, спортом и искусством. Мой кругозор меня полностью устраивал. И... и... и меня никто не мог упрекнуть в невоспитанности! Я даже матом не ругалась и не курила.

Вот.

– У меня срабатывает инстинкт самозащиты, – я рьяно бросилась защищать свою честь.

– И как это понять?

– Очень просто. Как только мы с тобой познакомились, ты только и делаешь, что подтруниваешь надо мной. Я ещё удивляюсь, что ты остановил машину, когда увидел, что я валяюсь в снегу!

Мне показалось или он на самом деле с трудом сдерживал смех?

– Хочешь знать правду?

– Давай.

– Если бы я знал, что это ты, я бы проехал мимо.

Я открыла рот, чтобы возмутиться и прочитать лекцию о необходимости взаимопомощи в нашем жестоком мире, но не нашлась, с чего начать.

– Ооо... – простила я. Это единственное, на что оказалась способной на тот момент.

– Нога?

– Нет, ущемленное самолюбие.

Максим искренне рассмеялся, а у меня возникло жгучее

желание огреть его по голове чем-нибудь тяжеленьким. Как вариант, можно использовать банку с вареньем. Но в последний момент разум возобладал над злобным порывом. Как-никак, мне не стоило забывать, что мой обидчик управлял автомобилем.

– Откуда ж ты такая свалилась на мою голову?

– Ты сам меня подобрал на дороге.

Я пошевелила ногой и снова почувствовала острую боль. Вот невезение. Мне как раз только вывиха для полного комплекта не хватало.

«Мазда» плавно остановилась перед моим домом, и Максим в пол-оборота повернулся ко мне.

– До квартиры самостоятельно сможешь дойти?

Моё задетое воображение сразу же нарисовало картину, как он помогает мне выбраться из машины и дальше несет на руках к подъезду. Как наши любопытные кумушки-соседки высовываются из своих квартир-норок и с разинутыми ртами наблюдают за нами, провожая Максима восхищенным, а меня завистливым взглядом.

Картинка получилась яркой, красочной, и до неприличия заманчивой.

Чтобы избавиться от наваждения, я помотала головой. Чур-чур меня! Хорошо фантазировать.

– Смогу, – я кое-как выбралась из машины.

– Уверена, что моя помощь больше не нужна?

Уверена-уверена, ещё как уверена! А ещё я уверена, что

никогда больше в жизни не хочу тебя видеть. Мне хватило и двух встреч. От таких самодовольных красавчиков я предпочитала держаться подальше.

– Я справлюсь сама. Спасибо, что не бросил на дороге.

Он снова рассмеялся, и уже отъезжая крикнул:

– Малолетка, надеюсь, ты нечасто будешь мне попадаться на глаза!

Хорошо, что на улице было темно, и он не увидел, как я показала ему вслед язык. Ребячество, зато душу отвела.

Кое-как допрыгала до лифта, и с облегчение вздохнула, когда оказалась в квартире. Родительница задерживалась, но меня это не удивило. Значит, сегодня я снова дежурю по кухне. Есть хотелось ужасно.

Сев на пуфик около двери, подергала ногой, помассировала её. Боль уже была не такой сильной. Значит, не вывих, что обнадеживало. Ничего, на мне все болячки, как на собаке заживают. Утром буду, как новенькая.

Сполоснув руки, припрыгала к себе и, плюхнувшись на кровать, набрала смс: «Я теперь тоже болею. Шла от тебя, упала. Перелом. Гипс». И выбрала адресатом Илью. Вот так-то, получи фашист гранату. Пусть тебе будет стыдно.

ГЛАВА 3

С мамой происходило что-то невообразимое.

Началось с того, что она в выходной день потащила ме-

ня на шопинг. Я сначала обрадовалась. Думала, обновлю малость гардероб. Ага, как же! Когда мама вручила мне сумочку со словами: «Я постараюсь быстро», сама же отправилась по рядам с одеждой и стала кидать себе на руку одну вещь за другой. А вот когда она скрылась в примерочной... у меня закрались смутные сомнения, что я влипла.

Но тогда я ещё не подозревала масштабы трагедии.

В примерочную и из примерочной она порхала, как мотылек. Туда-сюда, туда-сюда... Платья сменялись юбками, дальше шёл парад блузок, брючек, кардиганов. От смены фасонов и цветов у меня начали черные точки появляться перед глазами.

И мама постоянно спрашивала:

– Ну как? Что ты скажешь? Мне идет? А это? А может быть, всё-таки, ту юбочку? Да ту, в мелкую плиссировку! Хотя... Наверное, стоит остановиться на синем платье. Ты со мной согласна? Юля! Ты меня слышишь?!

Я её слышала, она меня – нет.

Сначала что-то пыталась ей посоветовать. Мы часто ходили вместе по магазинам и прекрасно знали вкусы друг друга. У нас даже получалось так, что мама давала мне деньги, и я одна покупала нам обеим одежду. Моему вкусу она безоговорочно доверяла. Но в тот день всё было иначе.

Моя родительница готовилась ко встрече со своим таинственным ухажером. Хотелось верить, что он того стоил. Иначе, честное слово, я готова была припомнить все свои

мытарства в тот день.

Потому что это было что-то с чем-то.

– Мама, может, стоит остановиться на...

– Сейчас я ещё вот это примерю...

И так часа три.

Тут даже мои дочерние чувства не выдержали, и в конечном итоге, я грозно произнесла:

– Мама, если ты сейчас же на чем-то не остановишься, мы уходим без покупок!

Мама остановилась. А потом весь вечер так же крутилась перед зеркалом и жаловалась, что она купила вещи, которые ей совершенно не идут. Я закатывала глаза и молчала.

Спорить с ней было бесполезно.

И, конечно, обо мне она вспомнила только тридцатого числа.

– Юля, а ты в чем будешь встречать Новый год?

Я неопределенно пожала плечами.

– Понятия не имею.

И, правда, а я-то в чем буду встречать самую главную ночь в году?

– Как?.. Ты ещё не определилась? – моя наивная Александра Михайловна была искренне удивлена.

– Не-а.

– И почему ты до сих пор молчала?

Она сорвалась с места, сбегала в другую комнату и вернулась с кошельком.

– На, держи и немедленно поезжай в магазин! И купи себе что-нибудь приличное!

Вот это другой разговор. Я довольно улыбнулась.

Моя радость длилась недолго. Разве можно ходить по магазинам тридцатого декабря? Да это же сродни самоубийству! Нигде не протолкнешься, ни к одной витрине не подойдешь, продавцы мельтешат перед глазами, мечтая о конце рабочего дня.

У меня не было конкретной цели покупки. Думала приобрести красивое платье. Джинсы и тенниски приелись и в повседневной жизни.

Что купить... что купить... да какая разница?

Я примерила черное и бордовое платья. Понравились оба. И поддавшись маминому расточительству, как оказалось, разному, я приобрела оба платья. Плюс зашла в отдел бижутерии и там накупила разной красоты. Решила завтра окончательно определиться, в чем пойду.

За ужином я поинтересовалась у своей родительницы:

– Кто хоть гулять-то будет? Народу много соберется у твоего знакомого?

– А я разве не говорила?

– Мама, если бы ты говорила, я бы не спрашивала. И, кстати, как зовут твоего знакомого?

– Его зовут Алексей Максимович Орлов. Сорок четыре года. Вдовец. Пригласил нас и ещё две семьи. Отдыхать будем вместе с детьми, так что ты не будешь единственным

представителем молодежи, и тебе не придется скучать.

– О! Я счастлива! Звучит обнадеживающе и воодушевляюще.

– Юля. – простонала мама. – Когда ты говоришь таким тоном, я начинаю испытывать угрызения совести.

– Да неужели? Мама, расслабься! Я шучу...

Этой ночью мне не спалось, и я долго зависала в интернете. В социальных сетях знакомые во всю хвалились предстоящими каникулами за границей, выкладывали новые фото с новогодних вечеринок и поздравляли друг друга с наступающим годом. Настроение было веселым и шальным.

А мне что-то взгрустнулось...

Легла я под утро и встала, как и полагается, не с той ноги. Мне бы последовать мудрому совету – снова вернуться в постель и уже встать сразу на обе ноги, но я совет проигнорировала.

Зря.

Оказалось, что проспала и не разбудила мамку, а та была записана к парикмахеру.

Что началось...

Давненько я не видела, чтобы моя родительница одевалась с такой скоростью. Она одновременно разговаривала по телефону, натягивала сапоги и жестом указывала мне на пальто. Вид у неё был растерянный.

Тут я её не поддерживала. Не попадет она к какому-то новомодному парикмахеру, к которому записывалась за месяц

заранее, и стоит из этого устраивать трагедию? Хотя... Может, не пройдет и десяти годков, и я точно так же буду расстраиваться по мелочам. По крайней мере, сейчас для меня поход в парикмахерскую был сущим пустяком.

Лично у меня были светлые, слегка волнистые волосы, которые немного падали на плечи и не было никакого смысла заморачиваться на счет прически. Легко могла пойти, как с распущенными волосами, так и собрать их в хвост. Сегодня просто сделала эффект мокрой химии, и делов-то. Не вижу необходимости сходить с ума из-за прически.

А потом начались поздравления.

Кто-то обо мне не забыл.

«С Новым годом. Удачи».

Это от Ильи пришло по вайберу.

Я усмехнулась. Что-то не замечала от него раньше лаконичности, наоборот, при желании он был очень красноречив.

Я быстренько набрала в ответ: «И тебе того же».

Моя обида была в самом разгаре.

От того, что он написал первым, мне захотелось танцевать. Что я в принципе и сделала! Вот так-то будет лучше, Астахов!

К девяти за нами приехало такси.

Мама предупредила, что к Орловым им придется доби-

ратся не меньше получаса, а все гости приглашались к десяти. Опаздывать не стоило. И поэтому мне пришлось постоянно подгонять маму. Та из парикмахерской вернулась около шести и сразу разразилась причитаниями, что она не успеет к девяти собраться.

Я закатила глаза.

И за что я провинилась в прошлой жизни?

Мой же выбор пал на бордовое платье. Оно было сшито футляром, доходило мне до колен и смотрелось очень элегантно.

Критически осмотрела себя в зеркале. Не по возрасту немного, но сойдет.

Но когда я увидела свою родительницу, то просто обомлела. У меня открылся рот в прямом смысле этого слова.

Мама выглядела шикарно. Сногсшибательно. Роскошно.

В белом длинном платье с разрезом до бедра и с высоко поднятыми темными волосами она походила на кинозвезду. Застыла в дверях и нервно принялась теревить платье, поправляя и одергивая его.

– Как?.. – смущенно спросила она.

– Обалдеть, – искренне откомментировала я. – Родительница, ты выглядишь... у меня нет слов! Я пока не знаю этого Алексея Максимовича, но он должен быть очень крутым мужиком, чтобы быть достойным столь роскошной женщины, как ты. А если на вечеринке будут ещё холостые мужики, то ему придется смотреть в оба, потому что в противном

случае тебя точно уведут. Мама, ты королева! Сегодня всё внимание будет принадлежать тебе.

Моя Александра Михайловна засмушалась, зарделась.

Добирались мы до загородного дома Орлова больше получаса. Пошёл сильный снегопад, дворники на стеклах такси едва справлялись, плюс периодически возникали пробки на дорогах, многие спешили в гости к знакомым и родственникам.

Мама заметно нервничала. А я сидела и скучала, переписывалась с друзьями. Мне-то что волноваться? Я сегодня ночью выступала в роли дуэньи, и от ночи ничего сверхъестественного не ждала.

Мы прибыли с опозданием, в лучших традициях. Я попыталась пошутить над матерью, что женщина просто обязана опаздывать на свидания и прочие увеселительные мероприятия, но натолкнулась на строгий родительский взгляд, который за всю сознательную жизнь я видела от силы раз пять.

И тут я поняла, что всё очень серьезно.

Меня это смутило и заставило призадуматься.

Вид заснеженного двухэтажного коттеджа, освещенного множеством гирлянд, заставил меня застыть в изумлении. Красиво. Во мне проснулось воодушевление. А, может, новогодняя ночь и не будет такой скучной, как мне представлялось.

Нас встретил охранник и проводил до парадного крыльца. А новый мамин знакомый, наверное, серьезный человек.

Дом за городом да ещё с охранником... Н-да уж. Я не знала – радоваться или огорчаться.

Как только мы подошли к крыльцу, дверь распахнулась, и на пороге появился высокий мужчина с легкой сединой на висках. Он радостно улыбнулся и по-молодецки сбежал по ступенькам.

– Ну, наконец-то! Я уже хотел отправляться на ваши поиски. Думал, вас дорогой замело.

Мама смущенно поправила прическу.

– Мы немного задержались...

– Ничего страшного. Проходите.

– Алексей, познакомься, пожалуйста, это моя дочь – Юлия. Юлия, а это Алексей Максимович Орлов...

– Очень приятно познакомиться, – произнесла я дежурную фразу.

– Взаимно, – Алексей Максимович мне подмигнул.

Он пропустил нас вперед.

Первое впечатление о хозяине дома у меня сложилось положительное. Вроде бы нормальный мужик. Посмотрим на него к концу праздничных возлияний. Как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Я всегда устраивала проверку алкоголем маминым поклонникам.

В доме Орлова собралась приличная компания. Я оглядела их критическим взглядом, выхватывая лица моего возраста.

Пока я раздевалась и присматривалась к обстановке, моя

родительница куда-то умудрилась испариться. Я в недоумении застыла. Вот так раз. Сразу же меня бросила. И я догадывалась, с кем именно она могла уединиться.

– Малолетка, только не ты...

Знакомый насмешливый голос заставил меня подскочить на месте.

О, черт! Такого просто не может быть!

Я медленно обернулась и столкнулась нос к носу с Максимом.

– Я тоже рада тебя видеть, – скривила губы.

– Что ты тут делаешь?

– Аналогичный вопрос могу адресовать тебе и я.

Макс выглядел... роскошно, чего тут греха таить. В светлых брюках и атласной рубашке он, точно сошёл с обложки глянцевого журнала. И угораздило же его родиться таким красавчиком. Не зря он вел себя самоуверенно и цинично. Уверен в себе и своей привлекательности. Я, сама того не желая, легко попала под его чары. Учатившийся пульс – тому подтверждение. Стоп, Юлия. Просто стоп. Я сюда пришла не кокетничать с красавчиком-автомехаником, а присматривать за матушкой.

– Так ты не сказала, что ты тут делаешь.

– Меня пригласил вместе с мамой Орлов.

Брови Максима недовольно сошлись на переносице.

– Постой-ка... – его тон приобрел недовольно-угрожающий характер.

– Да, я стою, никуда не ухожу.

– Как твоя фамилия, малолетка?

– С чего бы это тебе стала интересна моя фамилия? – также недружелюбно брякнула я.

– Ты можешь просто ответить или нет?

Я уже открыла рот, чтобы сказать очередную колкость, когда к нам подлетел ещё один молодой человек в смешном колпаке Санта-Клауса.

– Орел, ты зря времени не теряешь! Уже тусуешься с классной девочкой! Знакомь!

Он по-свойски приобнял Максима за плечи.

А я нахмурилась.

Орел.

Орлов.

Че-е-ерт!

До меня доходило очень медленно. Если кличка Макса была Орел, то скорее всего, она произошла от фамилии Орлов, и тогда, вероятно, он являлся сыном Алексея Максимовича.

Замечательно.

Лучше не придумаешь.

Я постаралась истерически не рассмеяться. Ничего же страшного не произошло. Подумаешь, моя мама встречалась с отцом молодого человека, с которым у меня складывались стойкие неприятельские отношения.

Пустяки!

Я натянута мило улыбнулась и елеиным голосом ответила:

– Юля, – а потом эффектно добавила: – Медведева.

– А меня зовут Олег. Мы с Максом лучшие друзья!

Стоило видеть лицо Максима. Видимо, он тоже сопоставил дважды два. И тот случай на СТО, и наша встреча сегодня произошли не просто так.

Кстати, про СТО... Уж не сам ли Орлов поспособствовал, чтобы он мне отдал машину?

Как пишут в мелодрамах, «наши взгляды скрестились, как шпаги».

Он с подозрением смотрел на меня, я на него.

Вся игривость исчезла. Осталось непонимание и недо-вольство происходящим.

Новый знакомый Олег заметил напряженную атмосферу между нами.

– Кажется, я подошёл не вовремя. Ладно, ребята, вы тут разбирайтесь, а потом, Юлька, давай, присоединяйся к нам. Мы от предков организовали отдельно стол в беседке. Подальше от любопытных глаз. Будет весело! Не киснуть же с ними вместе.

Он подмигнул мне и так же быстро убежал, как и появился.

Я тотчас почувствовала, как цепкие пальцы Максима впились в мой локоть, и он мне прорычал над ухом:

– Выйдем. Поговорить надо.

ГЛАВА 4

Я хотела возмутиться праведным гневом и разразиться тирадой, что никому не позволю хамски обращаться со мной, но не успела. Он действовал молниеносно.

Я успела лишь пискнуть, а уже оказалась в соседней комнате. Какая-то подсобка, где нам никто не мог помешать.

– Эй! Что ты себе позволяешь? – возмутилась я, когда, наконец, освободила руку.

– Хороший вопрос, – Максим выглядел чертовски самоуверенным. И довольным. За что захотелось заехать ему по лицу.

Сдержалась. От греха подальше.

– Не стоило меня волочь сюда, – я дотронулась до руки и растерла место, за которое он меня держал. Синяки мне определенно не нужны.

– Значит, ты дочка Медведевой Александры Михайловны?

– А ты, значит, сын Орлова Алексея Максимовича?

Я ответила ему тон в тон.

– Черт! Мне следовало догадаться, что ты дочка новой пассии отца, когда ты заявила на СТО. Он же хлопотал за неё...

Вот как, оказывается, обстоят дела.

– Давай полегче с оборотами, – красавчик добился своего, и я тоже разозлилась. Я приехала сюда отдохнуть, а не выслу-

шивать упреки. – И не стоит на меня орать.

– Ты ещё не слышала, как я ору.

Снова ухмыляется. Нагло.

– И не горю желанием. А если ты не сменишь тон, то я вообще разворачиваюсь и ухожу. Никакого диалога.

Моя угроза возымела действие. Орлов-младший скрестил руки на груди и некоторое время молчал.

– Знаешь, как только ты заявила ко мне на СТО, я сразу понял, что ничего, кроме неприятностей от тебя не стоит ждать, – заявил он.

– Даже так? Думаю, ты не будешь удивлен, если я скажу, что подумала аналогичное. Более самоуверенного нахала я ещё не встречала.

– Если твоя мать такая же как ты, то мой отец влип по самое не хочу. Ты – ходячее недоразумение. Правда...

Договорить ему я не дала.

– Прошу мою маму не трогать! – тут уж я окончательно ошетибилась. Я ещё могла стерпеть колкости в мою сторону, но никому не могла позволить обижать Александру Михайловну. Ей и так в жизни приходилось нелегко. – Ещё неизвестно, с кем она связалась! Судя по твоему полному отсутствию воспитания, то могу сказать...

– Замолчи! – неожиданно оборвал он меня, гневно сверкая глазами.

Мне бы на самом деле остановиться.

Малознакомый парень, превышающей меня в весовой ка-

тегории раза в два точно.

И я пигалица рядом с ним.

А ещё мы в комнате одни.

– С какой стати?..

– Говорю, не стоит продолжать...

– Не стоит. Вообще ничего не стоит. И общаться нам тоже.

Так что... Будь любезен, уйди с дороги. Я выйду. И да... Не подходи ко мне более.

Видимо я всё же достала его. Затронула то, что не должна была.

Потому что дальнейший его поступок не вписывался ни в какие рамки.

Он меня поцеловал.

МАКСИМ

Её стоило проучить.

Нет, не так. Стоило заткнуть её ротик, тронутый лишь блеском для губ, и то не сальным, от которого воротит и слегка начинает подташнивать.

Сегодня она точно не выглядела, как малолетка. Сегодня она выглядела шикарно.

Когда Макс её увидел – невероятно сексуальную девочку в бордовом платье, сразу понял, кто она.

Валял дурака, изображал удивление, шок, негодование.

Всё, как требовали обстоятельства.

А сам не понимал, откуда взялась эта тяга к ней. Вырывающая его с корнем из привычной системы координат.

Давненько он никого не затаскивал никуда. Вот так. Нахрапом. Чтобы только остаться наедине.

Её губы оказались мягкими. И сладкими. Его торкнуло не по-детски от их мягкости и легкого клубничного вкуса. А ещё от её сопротивления. Малолетка не приоткрыла губы, не позволила проникнуть внутрь и узнать её ещё более глубокий вкус. Она начала сопротивляться. Вырываться из его рук, упираясь в грудь и отталкивая.

И да, у неё оказался половинчатый размер – «двоячка с хвостиком». Идеальная грудь, аккуратно поместится в его ладонь.

Макс приглушенно зарычал, давая понять, чтобы успокоилась. Из его рук не просто выбраться. Тем более, когда он не хотел выпускать.

Девочка шипела разъяренной кошкой, едва ли не начала царапаться, не понимая, что тем самым ещё сильнее разогревает его аппетит в отношении себя.

Пришлось отпустить.

Чтобы в следующий момент перехватить её запястье – Юля решила ответить ему пощечиной.

Отчего-то её юношеский максимализм забавлял его. Он давно позабыл, каково это – завоевывать.

В последнее время девушки, да и женщины за тридцать,

часто сами вешались на него и предлагали проехать к ним.

– Тихо, тихо, малолетка, успокойся.

– Чего ты себе позволяешь? – она снова брыкнулась. Пришлось отпустить руку.

– Я себе ещё НИЧЕГО не позволяю, – довольно заметил Макс, наслаждаясь близостью её тела.

– Не смей меня больше целовать, – прошипела она, краснея, как там говорили, до кончиков волос.

Мило и чертовски заводит.

– Почему? А, понимаю, стесняешься своей неопытностью? Так в наше распутное время это больше плюс, чем минус, Юля-я-я. Мне почти понравилось... Немного практики – со мной! – и тебе...

На этот раз ей всё-таки удалось ему врезать по плечу. Он допустил.

– Для чего ты притащил меня сюда?

Наивная простота.

– А ты не поняла?

– Сегодня туплю малость.

Дерзила... Ох, дерзила.

Но ничего, пусть.

– Наши родители встречаются.

– И что дальше? Встречаются, пусть и дальше встречаются.

– И тебя это не напрягает? Только, давай, пожалуйста, без сарказма и иронии. Пусть ты меня и считаешь за малолетку,

но люди мы взрослые... Или почти... Я не знаю, как ты, но я желаю матери только счастья. Если твой отец окажется нормальным мужиком, то пусть встречаются на здоровье.

Её пламенная речь его развеселила.

– Ты сомневаешься, что мой батя – нормальный мужик?

– Лично я его сегодня первый раз в жизни вижу. Откуда я знаю, какой он?

– Мой батя, как раз нормальный мужик. Это мне стоит присмотреться к твоей матери. Как её зовут? Александра Михайловна! А, ну, помолчи. Я тебя уже выслушал. Я тоже не имею ничего против неё! Но! Пока я вижу и безответственность с её стороны!

Внезапно малолетка притихла.

Посмотрела на него исподлобья.

– Например?

– Она позволяет тебе ездить без прав?

Юля прищурила глаза.

– Откуда ты знаешь, что у меня нет прав?

О, черт.

– Догадался.

Она с полминуты молчала, а он сам как подросток, а не взрослый мужик, смотрел на её поднимающуюся и опускающуюся от учащенного дыхания грудь и думал, какие у неё соски. Как вишенки, темные? Или розовые, с такого же приятного цвета ореолами?

– А ты сам во сколько сел за руль? Просветишь меня? На-

верное, как правопослушный гражданин, ждал, когда тебе исполнится восемнадцать? Да уверена, гонял, как сумасшедший лет с тринадцати.

– С двенадцати, – он всё же поддался на её тон.

– Вот. Поэтому не стоит говорить лишнего. И да... Пустименя. Я хочу уйти.

– Куда?

– Имеет значение?

– Если спрашиваю – отвечай.

Макс незаметно для себя разозлился. Выпускать девочку из своих рук он пока не планировал.

– Гулять. Праздновать наступление нового года, – сквозь сжатые зубы проворчала она. – Твой друг предложил мне присоединиться к ним, вот это я и сделаю. А если ты меня не отпустишь, я закричу, – пригрозила она, и для убедительности добавила: – Громко.

– Где-то я уже это слышал, – парировал он. – И даже согласен сделать так, чтобы ты покричала... громко.

Она в первые секунды не поняла, о чем он.

А потом снова покраснела.

Максим понял, что пора тормозить.

Он указательным пальцем дотронулся до кончика её носа, а потом развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

ЮЛЯ

Как ошпаренная влетела в зал и застыла посреди комнаты. Неплохое начало новогодней ночи. Я была яркой противницей алкоголя, но сейчас мне требовалось выпить.

В этот момент заметила маму, которая мило беседовала с Алексеем Максимовичем. Она была полностью поглощена разговором с ним, смотрела только на него, и не замечала никого вокруг. Даже на расстоянии было видно, что она влюблена в него по уши. Я внутренне застонала.

Ладно, разберемся.

Решила отправиться в предполагаемую беседку и не ошиблась. Там собралась небольшая компания молодежи, Олег, ещё один молодой человек моего возраста и две девушки.

– Привет, – поздоровалась я.

– О! Ты решила к нам присоединиться! Круто! – Олег тотчас подскочил ко мне. – Это Юля. Ты с кем сюда пришла?

– Моя мама знакомая Алексея Максимовича.

– А, почти понятно! В общем, знакомься – это Тимур, Алиса и Ольга.

Молодые люди подняли бокалы в знак приветствия.

– Ты тут, надо полагать, никого не знаешь? – лениво спросила Алиса и потянулась всем телом. Она полулежала на кованной скамье, которая утопала в шелковых подушечках, игриво выставив на всеобщее обозрение оголенное бедро.

Мне показалось или в её голосе прозвучала легкая ирония?

– Нет.

– Ничего, мы возьмем её под своё покровительство, – Олег сделал попытку приобнять меня за талию.

Эта атмосфера такая, что все сегодня пытаются меня по-лапать?

– Что будешь пить? Шампанское? Или, может быть, что-нибудь покрепче?

На столе стояла всевозможная закуска и бутылки со спиртными.

– Шампанское, – неуверенно сказала я. Мне не хотелось напиваться.

Каюсь, грешна, но у меня уже был печальный опыт взаимодействия со спиртным. Как-то мы собрались компанией около дома и перебрали пива. Вот мне было так плохо, что, несмотря на то, что прошло два года, я зареклась не пить больше спиртного и в большинстве случаев слово своё держала.

К тому же, мне сегодня ещё надо было проконтролировать действия мамы.

– А что так скромно? Или ждешь, когда наши накачаются, а уж потом и мы будем догоняться?

Я взяла протянутый бокал, и для себя отметила, что собравшаяся компания мне определенно не нравится. Кажется, как и я им. Девочки не скрывали своей антипатии, критически оглядев меня с ног до головы.

Но меня их мнение особо не интересовало. Я их видела в

первый и, даст Бог, в последний раз.

А пару часиков и потерпеть можно.

Неожиданно мне пришла очередная смс-ка, и пришлось отойти в угол беседки.

Смс-ка была от Леськи: «А я у Лидки. Завидууй».

А вот это была уже подстава по полной.

Быстро настрочила ответ: «Ты рехнулась?»

«Я сказала, что ты со мной. Если что, прикрой».

А следом сразу же последовало ещё одно сообщение:

«Тут ТАК КЛАССНО».

Подумала перезвонить, но отложила телефон. Если бы Леська хотела, то она сама позвонила бы. Нет, скажите на милость, какого черта она поперлась туда одна?

Леся – моя школьная подруга. Проживала в соседнем дворе, и мы дружили с первого класса. После школы наши пути-дороги разошлись немного. Она поступила по настоянию отца в престижный университет, а я пошла работать.

Всё бы ничего... Если бы не несколько «но».

Первое – отец Леся был человеком строгих правил. Даже очень. Дочь держал в ежовых рукавицах, причем так, что та начинала задыхаться.

Второе – Леся всё же сорвалась и пошла на вечеринку к Лидии. Лида так же была их знакомая со школы, училась в параллельном классе, позже поступила в тот же институт, что и Леся.

Но! Вот тут такие три жирных восклицательных знака.

Лида уже в школе часто приходила пьяненькой и обкуренной. Её компания – мажоры, дети богатых родителей, от которых часто ждать хорошего не приходилось.

И Леся – домашняя девочка похлеще меня вляпается в новогоднюю ночь по самое «не хочу». В этом я не сомневалась.

Конечно, я надеялась, что ошибаюсь.

Надежда умирает последней.

Время шло. Часы пробили одиннадцать. Мы дружно проводили Старый Новый год.

Алексей Максимович так и кружился вокруг мамы. Я внимательно за ними наблюдала и поняла, что он мне симпатичен. По крайней мере, на данный момент, мне нравилось, как он обращался с ней.

Я так же заметила, что Алиса постоянно трется около Максима. Тот улыбался и шутил в ответ.

Что-то странное происходило со мной. Действовало шампанское, не иначе. Потому что с чего бы мне столь остро реагировать на близость Максима и Алисы?

Настроение как-то подпортилось, и я решила осмотреть дом.

Орловы жили хорошо. Красивая дорогая мебель, светлые комнаты, хрустальные люстры, дорогой паркет. Интересно, а чем Алексей Максимович занимается? Кто он по профессии? И почему тогда его сын работает на СТО?

Я забрела в библиотеку и восторженно ахнула, когда уви-

дела роскошную коллекция книг. Кто-то определенно любил почитать. По корешкам книг и по страницам было видно, что книги без дела не пылились. Литература была самых разнообразных жанров, от художественной до научной.

– Интересуешься литературой?

Я подпрыгнула от неожиданности, едва не выронив книгу, и обернулась.

В дверном проеме стоял Максим. В руках держал бокал с прозрачной жидкостью.

– Что ты тут делаешь? – задала я самый дурацкий вопрос, который можно было только задать.

И, конечно же, снова нарвалась на фирменную усмешку Орла.

– Гуляю по собственному дому.

– Конечно...

Почувствовала себя ужасно глупо. Что-то сегодня я как-то странно реагировала на естественные вещи. Посмотрела на пустой бокал из-под шампанского. Со спиртным надо завязывать.

– Я тебя искал, – неожиданно сказал Максим и подошёл ко мне ближе.

Его признание насторожило. Непроизвольно сделала шаг назад и уперлась спиной в книжный шкаф.

– Зачем?

– Хочу предложить заключить перемирие, – в его глазах плясали веселые чертики, когда он протянул мне бокал.

– Я не хочу... – неуверенно пробормотала я, глядя на бокал, точно там находилось не шампанское, а вино с ядом.

Макс нахмурился.

– Что не хочешь? Заключать перемирие?

– Да нет... Не хочу спиртное.

– Это мохито. И оно безалкогольное, – с улыбкой пояснил он.

А у меня подкосились ноги, и в трусиках неожиданно стало жарко.

Господи, мне точно больше нельзя пить.

Совсем.

– Вон чего... – иногда я говорила, как бабушка.

Но бокал взяла. Меня удивило, что Максим не пил вино, но комментировать это не стала. Его право. Может, у него есть веские причины.

– Так что ты скажешь по поводу моего предложения? Мир?

Я сдержанно улыбнулась.

– Мир.

Я ему не верила. Ни на йоту.

Максим наигранно шумно выдохнул воздух и схватился за грудь.

– Малолетка, я серьезно думал, что ты меня сейчас пошлешь куда подальше.

– У меня было такое желание.

– А хочешь я тебе озвучу своё желание?

Я отрицательно покачала головой.

Он приподнял бокал, и мы чокнулись. Сделав небольшой глоток, немного расслабилась. У меня остались небольшие сомнения, а не обманывает ли меня Макс и не споит ли втихую. Да, мысли гадкие и не делающие мне чести, но мало ли что можно ожидать от малознакомого молодого человека. Откуда я знаю, что у него на уме?

Я относилась к числу перестраховщиков. В среде молодежи очень часто были приняты розыгрыши, и в большинстве случаев эти розыгрыши носили совсем не безобидный характер. Один неверный поступок, и ты звезда Ютуба.

– Нам нет смысла враждовать, Юля. По крайней мере, пока.

– Согласна. Слушай, Макс, мне не дает покоя один вопрос.

– Валяй, спрашивай.

– Ты работаешь атомехаником на СТО? Если честно, это как-то... не сопоставляется с твоим образом и... внешним видом.

Максим скривил уголок рта и несколько раз повернул бокал в руке, видимо, задумываясь, стоит ли меня посвящать в его личную жизнь.

– Я не автомеханик, малолетка. Я младший помощник прокурора.

Мои ноги подкосились повторно, и, чтобы позорно не упасть, уперлась спиной в полку с книгами.

– Максим?

– Что? – он продолжал довольно усмехаться.

– Как такое возможно?

– Поточнее, милая.

Мне хотелось сказать, что я не «милая», но ком застрял в горле.

Я ничего не имела против прокуроров. Просто... Он меньше всего у меня ассоциировался с человеком в погонах. Офицер вооруженных сил – да, военный – да, но прокуратура.

Я сглотнула.

– Объяснишь?

– Моё отношение к прокуратуре и к СТО? Объясню, если ты расскажешь, почему так испугалась.

– Я не испугалась. Просто... неожиданно.

– Ок, сделаю вид, что поверил. Возвращаясь ко мне. Да, я получил диплом юриста, пошел работать в прокуратуру, но скоро намерен оттуда слинять. Маленькое отступление – пока я в отпуске, поэтому выражаюсь матом и жаргон употребляю. Когда на работе – только правильная культурная речь. Почему ухожу? Отец зовет в свою фирму. Счел, что его оболдуй достоин работать вместе с ним. А станция... Это моё хобби.

– Хобби, значит.

– Совершенно верно.

Я была полностью дезориентирована.

Механик-прокурор.

Шикарно.

И она... забирающая авто без прав.

Потрясающе.

— А ты?

Я пропустила момент, когда он перешел на мою личность.

— Что я?

— Где учишься?

— В педагогическом. Учитель истории, — как-то немного смущенно ответила. — Я учусь на заочном отделении. А так... работаю. Ногти пилю.

— Маникюрша?

— Да.

— Хм.

Его брови ползут вверх, и теперь в нем нет ничего наигранного.

А я отчего-то чувствую разочарование.

Наконец, проглатываю ком в горле, и только сейчас замечаю, что Макс стоит слишком близко ко мне. Наши тела едва ли не соприкасаются. Как такое могло произойти, ума не приложу. Но факт оставался фактом. Я чувствовала его парфюм. Мужской, терпкий.

Как и он сам.

Мне, наверное, стоило отойти от него. Не хватало, чтобы он подумал, что может со мной завязать новогоднюю интрижку. Но куда я могу отойти, если и так приперта к шка-

фу?

Вопрос на засыпку.

Я ничего не успела сказать в ответ. В эту ночь библиотека оказалась одним из самых востребованных комнат в доме.

К нам присоединилась Алиса.

Она возникла очень эффектно. Вообще, я обратила внимание, что эта особа склонна к театральным эффектам.

Она громко постучала по косяку и игриво заметила:

– Я голубкам не помешала?

И снова её стройное бедро выставлено на всеобщее обозрение. Я заметила, как Максим скользнул по нему взглядом, и почувствовала, как досада внутри меня усиливается. Если ему нравится Алиса, то почему угощает коктейлем меня?

– Не помешала, – негромко отзываюсь я и кое-как пробираюсь мимо Макса и встаю на безопасное от него расстояние. Тот хмурится.

– Рада слышать, – елеинным голоском поет Алиса. – Макс, я тебя разыскивала.

– Зачем?

– Может, я соскучилась по твоему обществу?

– Алиска, говори по существу.

– Я и говорю по существу.

Она подошла к нему практически вплотную и положила ладонь на грудь. Она вела себя так, как будто меня в комнате не существовало, а между ней и Максимом была связь. И не просто дружеская. Я даже не удивлюсь, если они состояли в

интимных отношениях.

Мне стало не по себе, когда я представила, как они обнаженные ласкают друг друга. Если посмотреть на них непредвзято, то они были бы очень красивой парой. Оба высокие, подтянутые, со спортивным телосложением, ухоженные и уверенные в себе. Роковые красавчики, одним словом.

Только непредвзятость как раз у меня отсутствовала напроочь.

По крайней мере, сейчас и здесь.

Я выпила всё мохито за раз.

Громко поставила пустой бокал на журнальный столик.

– Вы тут общайтесь, я, пожалуй, пойду. Скоро двенадцать, надо будет собраться за общим столом.

– Тут лишние другие, – Максим уверенным движением скинул с себя руку Алисы, но та вцепилась в него, точно клещами.

– Это уж решать мне...

– Пусть идет, – в наш разговор вклинилась Алиса.

В этот момент и у меня, и у Макса одновременно зазвонили телефоны.

– Мама.

– Отец.

Мы это произнесли синхронно, и наши взгляды встретились. Его же опалил меня изнутри.

Я не узнавала себя.

Я теряла себя...

– Они наверняка нас ищут. Да, мам, слушаю, – уже сказала я в трубку.

– Ты где? – голос мамы аж звенел от счастья и, конечно, от выпитого шампанского.

Так... Кажется, мне пора начинать проявлять бдительность и переставать бродить по дому туда-сюда-обратно.

– А ты где? Я собиралась к тебе.

– А рядом с тобой случайно нет Максима? – мама как-то странно хихикнула.

– Случайно есть, – я повернулась к нему спиной, но краем уха слышала, что он вел аналогичный разговор с отцом. Они что тоже разговаривают, находясь поблизости?!

– Давайте к нам. Скоро двенадцать часов.

– Я уже об этом думала. Иду.

– А Максим?

– А Максим большой мальчик и сам найдет дорогу, – фыркнула я и, не дожидаясь ответа, нажала на отбой.

Я подписывалась нянчить только одного совершеннолетнего человека!

Хозяева дома и гости собрались в большой зале. Часы показывали без пятнадцати двенадцать. Все улыбались, шутили, веселились, и всеобщее возбуждение не могло не передаваться и мне. Всё-таки Новый год – замечательный праздник!

Рядом со мной снова оказался Олег. Теперь он по-свойски обнял меня за талию и крепко прижал к себе. Я от такой наг-

лости на мгновение онемела. Но и его хватило, чтобы заметить, как Максим прямо-таки впился взглядом в руку друга. И этот взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Руку убери, – процедила я сквозь сжатые зубы, продолжая мило улыбаться остальным гостям.

– Что говоришь, крошка? – голосом искусителя поинтересовался Олег, ещё крепче прижимая меня к себе и обдав парами спиртного.

Фу, гадость какая!

– Руку убрал, быстро!

– Да брось ты ломаться! Я могу на сегодняшнюю ночь стать...

Я не стала дожидаться окончания его мысли и как бы невзначай наступила шпилькой ему на ногу.

Он вскрикнул и разжал пальцы. Что мне и требовалось. Я быстренько ретировалась на другую сторону стола.

А дальше все пошло по обычному сюжету... Поздравление президента... Бой курантов... Загадывание желания... И салют...

Мы все вышли во двор, чтобы поближе рассмотреть красоту ночного неба, где рассыпались тысячи салютных каскадов.

Каюсь, грешна, я очень любила салюты. Для меня они были сродни какой-то волшебной сказки, красивая ассоциация из детских воспоминаний. Дыхание перехватывало, а в груди будто сжималось что-то. И сейчас я вскинула голову и почти

не дыша смотрела как вспыхивает ночное небо красочными цветами.

Веру в сказку невозможно искоренить из человека.

Вокруг меня люди кричали, радуясь наступившему новому году, а я как будто провалилась в небытие, наслаждаясь морозной ночью и ощущением счастья...

Из волшебной сказки меня очень грубо вырвал телефонный звонок. Не зря иногда возникало желание закинуть телефон куда подальше. Я достала его из кармана пальто, которое накинула на плечи, выходя на улицу.

Леська.

– С Новым годом! – радостно закричала я, нажав на прием.

В ответ послышалось что-то шипящее. Громко звучала музыка, и что-либо разобрать было невозможно.

– Я тебя не слышу! – по инерции постаралась перекрыть шум, но, поняв, что в данном месте это пустая затея, отбежала в сторону. – Леська, выйди в другую комнату! С Новым годом, родная!

Но она не разделила моего оптимизма, потому что в трубку слышались всхлипывания.

– Леська ты чего плачешь?

Веселья, как не бывало.

Может, мне показалось?

Да, вряд ли...

Черт, черт, черт! А я ведь чувствовала, что добром при-

ключения Леськи не закончатся.

– Леся, ты меня слышишь?

– Д...да, – наконец, сквозь всхлипывание послышался её голос.

– Что случилось?

– Юлька... забери меня отсюда...

Первая мысль – как я это сделаю?

Вторая – как-нибудь!

– Леся, соберись! Сейчас я что-нибудь придумаю. Ты у Лидки?

– Дааааа...

– Оставайся там. Сейчас приеду.

Легко сказать, труднее сделать.

Я без машины, плюс выпила. Можно, конечно, взять такси, но бомбилы сейчас сдерут втридорога. Что делать... Что делать...

То, что Леська попала в серьезный переплет, не вызывало сомнений. Она не стала бы звонить в двенадцать часов ночи, едва ли не под бой курантов. Её необходимо выручать.

Особого выбора у меня не было, и я, мысленно перекрестившись, отправилась на поиски Макса.

Усилий прикладывать не пришлось. Он, как и большинство празднующих, по-прежнему находился во дворе. Его отец и ещё один мужчина суетились около шашлычницы.

Я подошла к Максy со стороны спины и легонько похлопала по плечу. Тот обернулся.

– Привет, – глупо улыбнулась, чем, естественно, вызвала у него подозрение.

– Тебе от меня что-то надо.

– Надо.

– Валяй. Говори. Чем смогу, помогу.

– Мне нужна твоя машина и ты в качестве водителя.

Это, наверное, была его минута триумфа. Потому что он очень медленно, наигранно приподнял брови кверху.

– А поподробнее, пожалуйста.

– Может, отойдем, а то тут шумно, не хочу кричать.

– Например, найдем темный уголок?

– Орлов, не много ли ты себе позволяешь? – огрызнулась я и прикусила язычок. Притормозить немного не помешает.

Он что-то проворчал себе под нос, я не разобрала, а переспрашивать не стала.

Мы зашли в беседку, которая располагалась во дворе. У меня в голове промелькнула мысль, что летом тут, наверное, просто восхитительно.

– Так зачем я тебе понадобился?

– У меня подруга попала в беду, её надо забрать и отвезти в безопасное место.

Я вся съежилась-скукожилась, ожидая, что Максим начнет надо мной подтрунивать, но неожиданно его лицо приняло серьезное выражение лица.

– Она твоя одноклассница?

– Да.

– Поехали.

Его лаконичность и быстрота принятия решения ввела меня в некий ступор. Сначала я ошарашено на него смотрела, потом готова была едва ли не прыгнуть на шею и расцеловать, но благо меня моя воспитанность вовремя сдержала.

И пока он не передумал, я устремилась за сумочкой.

Максим ждал меня около гаража. Он уже успел выгнать «мазду», потому что, когда мы подъезжали, я её не заметила. И успел накинуть кожаную куртку с меховым воротником. Я редко обращала внимания, как одеваются молодые люди, но тут не могла не отметить. Хорош, подлец, и ведь знает наверняка об этом!

– Адрес знаешь?

– Да.

– Говори.

Я села на переднее сиденье, назвала адрес и, когда мы тронулись, сказала:

– Спасибо, что не отказался помочь.

– Да не за что пока.

Я улыбнулась.

– Теперь понимаю, почему ты не пил.

– Да неужели? И почему же по-твоему?

– Чтобы иметь возможность при всеобщем хаосе сохранять трезвую голову.

– Интересная трактовка. Но мимо. Если бы не приём антибиотиков, я был бы уже на рогах. В Новогоднюю ночь и не

напиться... это кощунственно.

– Прием антибиотиков? – переспросила я, не заметив, как учащается сердцебиение. – Болеешь?

– Остаточное явление. Расплачиваюсь за купание в проруби.

– В проруби?

– В проруби, в проруби! И не стоит надо мной подшучивать, говоря, что для купания в проруби ещё не наступило Крещение.

– Я и не собиралась...

– А вот в это я верю ещё с большим трудом! – от души засмеялся Максим. – Да ты только и делаешь, что испытываешь моё терпение. Возвращаясь к теме о купании. Мы с друзьями заперлись в один бар, посидели, выпили, а тут первые морозы ударили. Вот мы и решили посмотреть, как они сильны... Пospорили на «слабо» – кто нырнет в рыбацкую прорубь.

– И ты нырнул?

Я всегда считала подобные выходки безумством. Сколько же надо было выпить, чтобы пойти на это?

Макс точно прочитал мои мысли.

– Нырнул. Если бы ты знала, сколько мы выпили... В общем, это не красит ни меня, ни моих друзей. А если учесть, что большинство из них – спортсмены, и мы пьем раз в пятилетку... Сначала было смешно. Потом не очень. Нас было пятеро оболтусов, и мы все пятеро на следующей день сва-

лились с температурой. Температура спала, но антибиотики колоть продолжаю.

И он характерно повел плечами.

Я прыснула в ладонь. Поведение Макса подтверждало простую истину, что мужчины ужась, как боятся уколов. Они готовы биться до крови, терпеть лишения и нужду, но при виде шприца могут свалиться в обморок.

– Поэтому у тебя сухой закон?

– Так точно.

– Но друзья у тебя развлекаются вовсю.

– Ты кого имеешь в виду?

– Олега, Алису...

– Я бы не назвал их друзьями. Так... Хорошие знакомые.

В голосе Максима проскальзывали нотки сожаления. Сейчас он показался мне несколько иным, чем я его знала до этого. Он не смеялся надо мной, а напротив – был очень серьезным.

И его красивый профиль четко вырисовывался в огнях ночного города...

Мои мысли снова вернулись к Леське. Что же у них там произошло, раз она мне позвонила и решила уйти с праздника, на который так сильно жаждала попасть?

– Что конкретно случилось с твоей подругой? Напилась или...

– Я не знаю.

– Наркотики есть?

Мне стало дурно.

– Не знаю...

– Плохо.

– Да, – я мысленно поёжилась. – Леся – она мамина дочка, вернее, даже больше, папина. Она не гуляет на улице, в клуб только по выходным и праздникам, ведет правильный образ жизни. Я не знаю, почему её переглючило, и она захотела пойти на эту вечеринку, хотя с самого начала было понятно, что добром дело не кончится.

– Выпивка, секс и наркотики.

– Легкие колеса и травка – сто процентов, – тихо, почти шепотом сказала уже я.

Хотелось попросить его прибавить газу, как снова пропищал телефон.

«Ты где?»

– Это от Лески, спрашивает, где мы.

– А позвонить не судьба?

– Она общается посредством сообщений, не любит звонить.

– Так успокой, скажи, через десять минут будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.